

тактики – тактика разъяснения, тактика единения, тактика уточнения, тактика солидаризации, тактика комментирования, тактика сравнения, тактика «якорения», тактика убеждения, тактика формирования общего когнитивного поля и др.).

Порой и на телевизионных ток-шоу создаются по-настоящему эффективные публичные высказывания, которые порождают новые проекты, подсказывают решение назревших культурных, образовательных и политических проблем. Так репродуцирующая риторика публичного слова становится риторикой нового дела, риторикой ответственного поступка.

Список литературы

1. Михальская А. К. Риторика : учебник / А. К. Михальская. – М. : ИНФРА-М., 2019. – 480 с.
2. Клименко Г. В. Речевые стратегии и тактики в современных средствах массовой информации / Г. В. Клименко // Риторика и культура речи в современном научно-педагогическом процессе и общественно-коммуникативной практике : сб. мат-лов XXI Междунар. науч. конф. по риторике (1–3 февраля 2017 г.) / отв. ред. В. И. Аннушкин. – М., 2017. – С. 220–227.
3. Смолененкова В. В. Особенности создания и восприятия текста в риторике идентификации / В. В. Смолененкова // Риторика и культура речи в современном научно-педагогическом процессе и общественно-коммуникативной практике : сб. мат-лов XXI Междунар. науч. конф. по риторике (1–3 февр. 2017 г. / отв. ред. В. И. Аннушкин. – М., 2017. – С. 423–430.
4. Аннушкин В. И. Риторическая наука и коммуникативная практика современного информационного общества / В. И. Аннушкин // Риторические традиции и коммуникативные процессы в эпоху цифровизации : сб. тр. XXIII Междунар. науч. конф. (6–8 февраля 2020 г.). – М. : МГЛУ, 2020. – С. 32–51.

References

1. Mihal'skaja A. K. Ritorika. M.: INFRA-M, 2019. 480 p.
2. Klimenko G.V. . Rechevie strategii i taktiki v sovremennih sredstvah massovoi informacii // Ritorika i kultura rechi v sovremenном nauchno-pedagogicheskom processe i obshchestvenno-kommunikativnoi praktike: sb. materialov XXI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii po ritorike (1–3 fevralya 2017) / ed. V. I. Annushkin. M., 2017, pp. 220–227.
3. Smolyanenkova V. V. // Osobennosti sozdaniya i vospriyatiya teksta v ritorike identifikacii // Ritorika i kultura rechi v sovremenном nauchno-pedagogicheskom processe i obshchestvenno-kommunikativnoi praktike: sb. materialov XXI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii po ritorike (1–3 fevralya 2017) / ed. V. I. Annushkin. M., 2017, pp. 423–430.
4. Annushkin V. I. Ritoricheskaja nauka i kommunikativnaja praktika sovremenного informacionного obshhestva // Ritoricheskie tradicii i kommunikativnye processy v jepohu cifrovizacii : sbornik trudov XXIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (6–8 fevralja 2020). M.: MGLU, 2020, pp. 32–51.

doi 10.21672/1818-4936-2021-79-3-096-099

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА

Чурсина Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, olga2209@bk.ru

Султыева Лена Ринатовна, студентка, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, lenara03.00@mail.ru

В статье рассматриваются особенности дипломатического языка. Особый акцент делается на его морфологические характеристики. Так, в рамках исследования язык подразделяется на устную и письменную речь, широко используемые в международных отношениях в виде пресс-релизов, речей, резолюций и иных документов. В работе рассматриваются главным образом глаголы и существительные, анализируются особенности их использования и преобладания в том или ином типе дипломатического языка.

Ключевые слова: дипломатический язык, морфология, письменная речь, устная речь, международные отношения

MORPHOLOGICAL FEATURES OF THE DIPLOMATIC LANGUAGE

Chursina Olga V., Candidate of Philological Sciences, assistant professor, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatischev st., olga2209@bk.ru

Sultyeva Lenara R., student, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatischev st., lenara03.00@mail.ru

The article under discussion reviews features of the diplomatic language. Special emphasis is placed on its morphological characteristics. Thus, within the framework of the study, the language is divided into oral and written speech, forms that are widely used in international relations in the form of press releases, speeches, resolutions and other documents. The paper deals mainly with verbs and nouns, analyzes the features of their use and predominance in a particular type of the diplomatic language.

Keywords: diplomatic language, morphology, written speech, oral speech, international relations

Дипломатический язык как явление довольно трудно охарактеризовать ёмким определением, поскольку он включает в себя особенности как языка, так и дипломатии. Язык можно определить, как систему слов или знаков, которые люди используют для выражения мыслей, а также как любую из систем человеческого общения, которые используются и понимаются определенной группой людей при помощи слов. Дипломатия, в свою очередь, в общих чертах представляет собой сферу по поддержанию хороших отношений между правительствами разных стран.

В рамках рассмотрения комплексного определения дипломатического языка стоит отметить, что большинство из существующих на современном этапе языков, если не все, до сих пор использовались в дипломатических отношениях, но всегда было преобладание одного или двух над другими. В прошлом французский язык был языком дипломатии на протяжении веков, однако он утратил этот статус в первой половине XX в. После создания Лиги Наций, НАТО и иных организаций, английский язык все больше укреплялся в международных отношениях. В настоящее время английский язык становится все более распространённым в дипломатических отношениях и, в целом, в глобальном общении [6, с. 166].

Для выявления морфологических особенностей дипломатического языка, важно отметить, что характерной его чертой выступает преобладание глаголов над существительными. В повседневной речи существительных значительно больше, нежели в формальном языке, что непосредственно связано с их тенденцией подчёркивать вещи, а не процессы.

Хотя нельзя провести строгую границу между одной категорией и другой, стоит подразделять дипломатический язык на письменный и устный. Письменный представлен такими разновидностями, как пресс-релизы, договоры и резолюции, а устный, в свою очередь, проявляется при помощи речи. Устный язык, как правило, использует больший процент глаголов, нежели существительных по сравнению со всеми категориями письменного языка.

Иными словами, можно сделать вывод, что устный язык имеет тенденцию подчёркивать процессы в большей степени, чем письменный язык. Кроме того, глаголы, как правило, делают сообщение более динамичным, чтобы подчеркнуть призыв к действию, передаваемый в некоторых выступлениях.

Использование глаголов с положительной эмоциональной коннотацией вместо существительных также является важным риторическим приёмом в политическом дискурсе, поскольку оно передаёт большее чувство динамизма. Примером подобных глаголов в английском дипломатическом языке может служить фраза У. Черчилля «to secure the victory of a good cause» («обеспечить победу добрых намерений»), демонстрирующая, что сообщение намного более динамично при использовании глаголов, чем существительных.

Особенностью дипломатического языка также выступают и глаголы отрицательного действия, среди которых наиболее часто в речах используются «предотвращать», «отрицать», «разделять», «игнорировать», «нарушать» и т.п.

Эмфатическое ударение глаголов также очень важно для передаваемого сообщения, как в положительном, так и в отрицательном ключе. В большинстве случаев предпочтение отдается активному ударению, но в некоторых случаях используется и пассивное. Также бывают ситуации, когда глаголы находятся в неопределённой форме, что может способствовать нечеткости сообщения. Так, например, в речах многих

известных политиков звучат фразы «институты должны быть созданы», «выводы могут быть сделаны», не указывающие на личность, что делает эффект сообщения расплывчатым и неточным [2, с. 217].

Аналогичный эффект достигается при использовании пассивного ударения, поскольку подобные глаголы, как правило, гораздо чаще встречаются в договорах и резолюциях, что непосредственно связано с их широким использованием в юридическом языке. В различных документах нередко звучат словосочетания «закон принят», «правительство отозвано», «действия осуществлены».

Особым случаем использования пассивного залога в резолюциях ООН является конструкция «to remain seized on the matter» («продолжить заниматься данным вопросом»). Это заключительная фраза для многих, если не для большинства резолюций ООН, и она означает, что эта тема может быть затронута в дальнейших переговорах.

В пресс-релизах одинаково используются прошедшее время, поскольку оно может относиться к действиям, которые уже произошли, настоящее время, демонстрирующее текущую реакцию на то, что произошло недавно, а также будущие времена для упоминания событий, которые должны произойти в будущем. В выступлениях чаще всего использование глаголов в прошедшем времени является примером дистанцирования.

Помимо простого упоминания действий, которые произойдут в будущем, будущих намерений или предложений на будущее, широко распространены условные конструкции. Учитывая более ярко выраженный предписывающий характер договоров, в них преобладают будущие времена. Более того, из-за особой, частично заранее установленной структуры Резолюций ООН эта предписывающая формулировка выражается с помощью глаголов в настоящем времени, вводящих каждое постановляющее положение. Примерами можно назвать такие конструкции, как «это подтверждает», «далее подтверждает необходимость» и подобные [4, с. 363].

Предложения, открывающие резолюцию, называются вступительными предложениями, и в них обычно используются герундий или причастие: «действовать согласно», «подчеркивать», «выражать». Стоит отметить, что эти формулы также используются во многих официальных дипломатических договорах.

Особенностью дипломатического языка также является номинализация, при которой процессы описываются с использованием существительных. Она часто рассматривается как метод, предназначенный для уменьшения количества информации в сообщении, поскольку она удаляет признаки времени и модальности, которые обычно присутствуют в сообщении. Кроме того, посредством номинализации можно метафорически думать о наличии действий, качеств, чувств, мыслей [1, с. 166].

Номинализация используется как в устной, так и в письменной речи. При этом данный метод применяется во всех областях дипломатического языка: в пресс-релизах, речах, договорах и резолюциях. Так, в пресс-релизах нередко говорится о необходимости осуществления той или иной деятельности без упоминания того, кто должен это делать. Однако чаще всего номинализация как приём дипломатической речи используется в резолюциях ООН, поскольку она была определена различными авторами как одна из особенностей официальной юридической речи.

Характерной чертой рассматриваемого вида языка выступает также использование словосочетаний, ставших в последствие «крылатыми» или просто несущих важное историческое значение. Одной из основных особенностей словосочетаний является то, что они придают краткость и эффектность. Некоторые из именных фраз остались в истории. Так, например, «железный занавес», использованный У. Черчиллем, стал одним из основных элементов риторики холодной войны.

В речах повторение одной и той же именной фразы несколько раз может играть большую роль и оказывать нужный эффект. Некоторые исследователи отмечают, что при помощи использования техники удаления количественного показателя из словосочетаний с существительными, существует возможность сделать сообщение более расплывчатым и неточным [3, с. 61].

Личные местоимения представляют собой одну из наиболее интересных морфологических особенностей дипломатического языка. В этом смысле существует чёткое различие между «языком выступлений» и «языком договоров».

Речи, в частности выступления не дипломатов, в определенной степени следуют правилам политического языка, поскольку в них широко используются личные местоимения, в частности, «я», «мы» и «вы». Как отмечают некоторые исследователи, выбор личного местоимения в единственном или множественном числе может иметь определенные преимущества и недостатки. Форма единственного числа имеет то

преимущество, что передаёт личную вовлечённость и ответственность говорящего, что, однако, может оказаться нежелательным эффектом, если что-то пойдёт не так. Использование формы множественного числа имеет двойное преимущество, так как передает связь между говорящим и аудиторией и разделяет ответственность, что, с другой стороны, имеет обратную сторону, заключающуюся в том, что говорящий не получает большого признания, если соответствующая мера будет успешной [5, с. 112].

Упоминания от первого и второго лица отсутствуют в договорах и резолюциях ООН. В этих двух категориях довольно низкий общий процент использования личных местоимений. Это обусловлено тем, что в языке, используемом в этих двух категориях, много особенностей юридического языка и юридической терминологии.

Можно сделать вывод, что с морфологической точки зрения существует чёткое различие между устным и письменным дипломатическим языком. Так, соотношение глаголов и существительных в устной речи выше, чем в письменной. Что касается глаголов, то пассивный залог чаще используется в договорах и резолюциях ООН. Существительные же и имена собственные, как правило, являются общей чертой дипломатического языка и используются особым образом в каждой категории. Они представлены в определённых специфических сочетаниях, иногда используются в парах. Существует явная разница в использовании личных существительных между устной и письменной речью. В устной речи, как правило, гораздо шире используется первое и второе лицо, тогда как в договорах и резолюциях ООН используется только третье лицо, что обусловлено спецификой этого рода обращений.

Список литературы

1. Загайнова Е. Л. Использование специальной лексики в американском дипломатическом дискурсе (на материале брифингов Государственного департамента США) / Е. Л. Загайнова, И. Г. Ищенко // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – № 78. – С. 165–169.
2. Ошурмахмадова С. Ш. Идеографическая организация лексики дипломатического делопроизводства // *Litera*. – 2019. – № 4. – С. 216–220.
3. Сакаева Л. Р. Формирование и процесс пополнения семантического поля «дипломатия и внешняя политика» в английском и русском языках в сопоставительном аспекте / Л. Р. Сакаева, А. В. Евсюкова // *Казанский лингвистический журнал*. – 2020. – № 2. – С. 57–70.
4. Седина И. В. Способы передачи оценочной лексики в переводе текстов дипломатических документов / И. В. Седина, В. М. Пронькина // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2018. – № 1–2 (79). – С. 363–365.
5. Софронова Л. В. Дискурсивные и стилистические особенности президентской политической речи в зависимости от ее адресата / Л. В. Софронова // *Политическая лингвистика*. – 2020. – № 3 (81). – С. 110–118.
6. Яппарова В. Н. Дипломатический дискурс как объект междисциплинарного исследования / В. Н. Яппарова // Вестник ТГГПУ. – 2016. – № 2 (44). – С. 165–170.

References

1. Zagajnova E. L., Ishchenko I. G. Ispol'zovanie special'noj leksiki v amerikanskom diplomaticheskom diskurse (na materiale brifingov Gosudarstvennogo departamenta SSHA) // *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2017, № 78, pp. 165–169.
2. Oshurmahmadova S. Sh. Ideograficheskaya organizaciya leksiki diplomaticheskogo deloproizvodstva // *Litera*, 2019, № 4, pp. 216–220.
3. Sakaeva L. R., Evsyukova A. V. Formirovanie i process popolneniya semanticheskogo polya «diplomatiya i vnesnyaya politika» v anglijskom i russskom yazykah v sopostavitel'nom aspekte // *Kazanskij lingvisticheskij zhurnal*, 2020, № 2, pp. 57–70.
4. Sedina I. V., Pron'kina V. M. Sposoby peredachi ocenочноj leksiki v perevode tekstov diplomaticheskikh dokumentov // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2018, № 1–2 (79), pp. 363–365.
5. Sofronova L. V. Diskursivnye i stilisticheskie osobennosti prezident'skoj politicheskoy rechi v zavisimosti ot ee adresata // *Politicheskaya lingvistika*, 2020, № 3 (81), pp. 110–118.
6. Yapparova V. N. Diplomaticheskij diskurs kak ob"ekt mezhdisciplinarnogo issledovaniya // *Vestnik TGGPU*, 2016, № 2 (44), pp. 165–170.